

Токсичная нежность

Лея Львова

Токсичная нежность

«Автор»

2026

Львова Л.

Токсичная нежность / Л. Львова — «Автор», 2026

Даже когда они умрут, я буду ходить к ним на могилки и общаться с ними. Семь лет Вероника верила, что любовью можно вылечить любую семью. Что свекровь, которая смотрит сквозь неё, просто сломана. Что мужчина, который молчит, когда его мать унижает его женщину, — просто напуган. Что если она будет достаточно терпеливой, достаточно полезной, достаточно удобной — её не бросят. Она ошиблась. Это история не о мести. Это история о том, как выжить, когда тебя довели до края — и не дожидаться, что кто-то придёт. И о том, что иногда единственный способ отпустить прошлое — это наконец увидеть его таким, какое оно было. Для тех, кто слишком старался. И слишком долго молчал.

© Львова Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 «Одна стая»	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Лея Львова

Токсичная нежность

Глава 1 «Одна стая»

Первый ужин у Мамлеевых начался с тоста.

— Мы — одна стая, — сказала Марго, поднимая бокал. — Нам никто больше не нужен. Только свои.

Я сидела напротив в изумрудном платье. Любимое. В нём я чувствовала себя сильной. Уверенной. Красивой. Надела потому, что хотела понравиться. Мне был важен Эдуард, а значит — и его семья.

Эдуард сжал мою руку под столом. Я улыбнулась. Не одна. Он рядом. С ним ничего не страшно.

— За стаю, — сказал Герман. Он сидел во главе стола, прямой, как натянутая струна, хотя двадцать лет не служил. Тарелка перед ним была нетронута. Он смотрел в стену, будто там было что-то важное.

— Эдуард, — Марго повернулась к сыну, — попробуй салат. Новый рецепт. С авокадо.

— Мам, у меня аллергия.

— Ты не ешь? Странно. Как давно?

— Всю жизнь, мам.

Марго проигнорировала ответ.

— А Вероника работает? — спросила она. Не у меня. В комнате меня по-прежнему не существовало.

— Да, — ответил Эдуард. — Менеджер в отделе маркетинга. Если тебя что-то интересует, спроси напрямую. Она сидит рядом и может ответить сама.

— Менеджер, — повторила Марго. — Это сейчас так называется. А раньше называлось «продавец».

Я сжала вилку. Разжала. Медленно.

Эдуард засмеялся. Слишком громко. Слишком быстро.

— Мам, это другое. Её повышают.

— Я не говорю, что плохо, — Марго улыбнулась. — Я говорю, что раньше называлось иначе.

И отвернулась к Герману.

— Герман, помнишь, как мы ездили в Сочи? Ты ещё говорил, что там слишком жарко.

— Помню.

— А мне понравилось. Там был ресторан. С видом на море.

Она говорила. О Сочи. О ресторане. О том, как Герман не хотел ехать, но поехал. О том, как она выбирала платье. О том, как ей сделали комплимент.

Я слушала. И чувствовала, как что-то в груди сжимается. Не сердце. Вокруг сердца. Как клетка.

— А вы, Марго, — сказала я, когда она сделала паузу. — Вы прекрасно выглядите. Это кольцо такое необычное. Покажете?

Она посмотрела на кольцо. На свою руку. Потом — на Германа.

— Это подарок мужа. На годовщину.

И снова повернулась к Герману. О кольце. О том, как выбирали. О его безразличии. О придириках.

Я посмотрела на Эдуарда. Он смотрел в тарелку. Я хотела поймать его взгляд. Он не поднял глаз.

— Я фотографии принесла, — сказала я через минуту. — Мы ездили в Карелию. Хотите посмотреть?

Марго налила себе ещё вина. Не ответила.

— Мам. Вероника спрашивает.

— Я слышу. Я не глухая.

Тишина. Только стук вилок о тарелки.

— Я овен, — сказала вдруг Марго, отпивая из бокала. Она пила много. — Мне подходят только близнецы. Эдуард — близнец. Мы идеальны.

— Мам, Вероника тоже овен.

— Нет. Ты не видишь. Она вообще не такая, как мы.

Я открыла рот. Что-то лёгкое. Что-то, что сгладило бы. Я всегда сглаживала.

— Гороскопы — это интересно, — сказала я. — Я читала, что...

— Герман, — перебила Марго. — Ты слышал? Она читает про гороскопы. А ты говоришь, я одна такая.

Герман не ответил.

— Я не говорил этого, — сказал он наконец. Голос ровный, как у диктора. — Я говорил, что ты слишком много внимания уделяешь ерунде.

— Ерунде? — Марго засмеялась. — Это знания. Ты просто не понимаешь. Ты никогда не понимал. Кстати, как поживает Милена, Эдуард? Мы так по ней соскучились.

Эдуард замер.

Милена. Я знала это имя. Он сказал его один раз. Ночью. Больше не говорил. Я не знала, кто она. Знала только: он не хочет о ней говорить. И мать знает, что не хочет.

— Мам, — сказал он тихо. — Не надо.

— Что не надо? — Марго улыбнулась. — Я просто вспомнила. Разве нельзя вспомнить хорошее?

Она повернулась к Герману.

— Помнишь, какая она была? Квартира в Москве. От бабушки. Образование — МГИМО. Недолго, правда, но всё же. Не то что некоторые.

Она не посмотрела на меня. Ни разу за вечер. Как будто я была пустым стулом. Как будто моё присутствие было ошибкой, которую она решила не замечать.

Герман не ответил. Смотрел в стену.

Я смотрела на Эдуарда. Он смотрел в пол. Улыбался. Как будто всё нормально. Как будто его мать только что не воткнула нож ему в спину. И мне. Заодно.

Я думала, он не замечает.

После ужина мы вышли на балкон. Эдуард курил. Редко, но курил. Я смотрела на город.

— Ей нужно время, — сказал он. — Она тебе не доверяет. Боится, что ты пропадёшь, как Милена.

— Я не Милена.

— Я знаю. Она сложная. Её родители... они её не любили. Били. Говорили, что она никчёмная.

— Это ужасно. Но это не даёт ей права так ко мне относиться.

— Я знаю. Но её можно понять.

Мне стало больно. «А меня? Меня можно понять?» Я проглотила. Я сильная. Я справлюсь. Если буду больше стараться — всё наладится. Я положила руку на грудь. Клетка не разжалась. Но я улыбнулась. Эдуард не должен видеть.

— Мать тебя любит. И я тебя люблю. Это то, чем мы с ней похожи. Мы поладим.

Эдуард засмеялся. Горько. Помолчал.

— Когда мне было двенадцать, меня били подростки. Во дворе. Трое. Я пришёл домой в синяках. Отец посмотрел и сказал: «Ты слабак. Мне за тебя стыдно». Мать сидела рядом. Молчала. Потом сказала: «Надо было дать сдачи».

— А ты?

— Я не мог. Я не могу кого-то ударить. Ему же будет больно. Что тогда не мог, что сейчас. Он докурил. Бросил окурок в банку.

— А однажды меня укусила собака. Во дворе. Я закричал. Отец выбежал. Нашёл эту собаку. И... — он замолчал.

— Что?

— Он её убил. Ногами. До смерти. При мне. Я потом месяц не мог спать.

Я не знала, что сказать.

— Он защитил тебя, — сказала я наконец.

— Он не защитил. Он показал, что защита — это насилие. Лучше не защищаться вообще. Лучше быть тихим. Тогда никто не тронет.

Я смотрела на него. Что-то во мне сжималось. Как будто я стояла на краю. Сейчас надо прыгнуть. Или уйти. Я не ушла.

— Я тебя не трону, — сказала я.

Он посмотрел на меня. Улыбнулся. Впервые за вечер по-настоящему.

— Я знаю. Ты не такая, как они.

Дома я долго не могла уснуть. Эдуард спал рядом. Обнимал. Тихо. Спокойно. Нежно.

Я смотрела в потолок. Думала о Марго. О том, как она смотрела сквозь меня. О том, как сказала: «Ты не такая, как мы». Прокручивала слова Эдуарда. Безразличие Германа. Думала: «Что я делаю не так».

Я не знала, что через семь лет буду стоять на балконе съёмной квартиры и думать, стоит ли шагнуть.

Я не знала.

Я думала, что спасу их. Я не знала, что спасти того, кто не хочет спасаться, — это не подвиг. Это самоуничтожение.

Но это я узнаю позже.

Конец первой главы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.